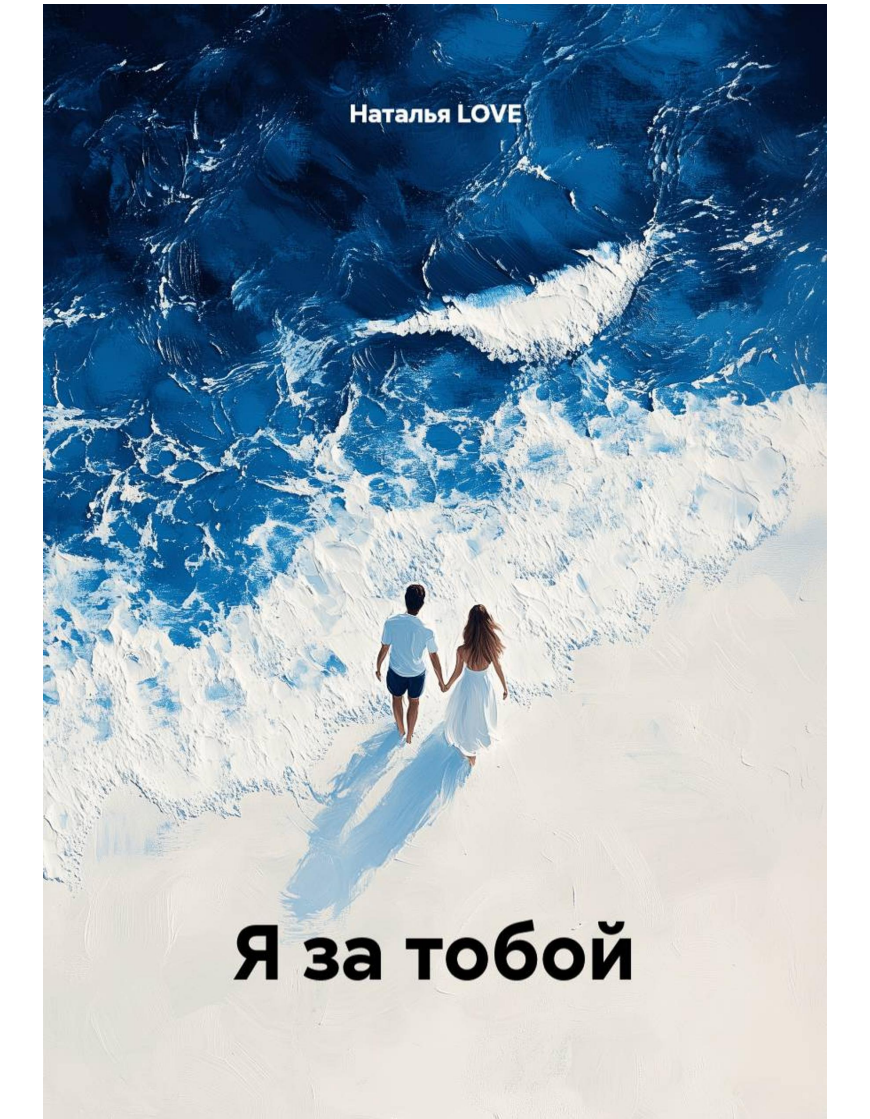

An aerial photograph of a man and a woman walking hand-in-hand on a sandy beach towards the ocean. The man is wearing a white t-shirt and dark shorts, and the woman is wearing a white dress. Their shadows are cast long on the sand. The ocean is a deep blue with white foam from the waves. The overall mood is romantic and serene.

Наталья LOVE

Я за тобой

Наталья LOVE Я за тобой

<https://litres.ru/74338544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя. Сколько ей выпадет испытаний, которые она выдержит и сделают ее еще сильнее и выносливее. Она красива, умна, любит прогулки по лесу, к ее любимому месту у озера. Только в один день она встречает там незнакомца...

Содержание

Глава 1. Чужая в родном доме	4
Глава 2. Последний вечер	8
Глава 3. Озеро и незнакомец	12
Глава 4. Тайные рассветы	17
Глава 6. Дни без писем	29
Глава 7. Тонкая грань	34
Глава 8. Пропавшая тишина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья LOVE

Я за тобой

Глава 1. Чужая в родном доме

Дождь барабанил по жестяной крыше, будто нарочно старался заглушить любые звуки в доме. Варя стояла у окна в своей узкой комнате, прижимаясь лбом к холодному стеклу. За окном серая пелена размывала очертания сада, превращая яблони в призрачные силуэты.

Внизу слышались голоса. Мачеха, Лидия Сергеевна, говорила громко, с той особой интонацией, которая всегда заставляла Варю съёживаться:

— Опять эта твоя дочь всё перепутала! Я же просила разложить покупки по местам, а не сваливать в кучу.

Варя сжала пальцы. Она не была её дочерью. Но напоминать об этом было бесполезно.

— Прости, я сейчас всё исправлю, — тихо сказала Варя, спускаясь по скрипучей лестнице.

Лидия Сергеевна стояла посреди кухни, уперев руки в бока. Её взгляд скользнул по Варе, как по чему-то незначущему.

— Исправишь? Да что ты можешь исправить? У тебя вечно всё из рук валится. Лучше бы сидела в своей комнате и

не мешала.

Рядом, у стола, молча сидел отчим, Павел Андреевич. Он не вмешивался. Просто смотрел в чашку с остывшим чаем, будто надеялся там найти ответы на все вопросы. Варя знала: он не злой. Просто устал. Устал от напряжения, которое висело в доме, как тяжёлая занавеска, не пропускающая свет.

— Я сейчас всё разложу, — повторила Варя, стараясь говорить спокойно. — Просто я не знала, куда класть банки...

— Не знала? Тебе сколько лет? — Лидия Сергеевна фыркнула. — В твоём возрасте уже должны быть мозги на месте.

Варя опустила глаза. Она знала этот тон. Он означал, что спорить бесполезно. Спорить — значит получить ещё больше упрёков, а потом, когда она уйдёт в свою комнату, услышать за спиной шёпот: «Вот ведь неблагодарная...»

Она принялась расставлять банки, стараясь делать это как можно тише, чтобы не раздражать ещё сильнее. Пальцы дрожали, и она боялась уронить стекло.

Павел Андреевич наконец поднял голову.

— Лида, хватит. Она же старается.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что Варя замерла. Мачеха резко повернулась к нему:

— Старается? Да она только и делает, что создаёт проблемы! Мы её кормим, одеваем, а она даже простейшую просьбу выполнить не может.

— Она не «она», — тихо, но твёрдо сказал Павел Андреевич. — Она девочка. И она здесь живёт.

На кухне повисла тишина. Варя почувствовала, как к горлу подступает комок. Никто давно не говорил в её защиту. Даже мама, когда была жива, чаще просила её быть тише, мягче, не злить окружающих. А теперь и вовсе никого не осталось, кто помнил бы, какой Варя была раньше — смешливой, громкой, той, что бегала по лужам и не боялась промокнуть.

— Ладно, — буркнула Лидия Сергеевна, отворачиваясь. — Пусть делает что хочет. Только чтобы я её не видела.

Когда она вышла из кухни, Варя осталась стоять посреди комнаты, сжимая в руках пустую коробку из-под печенья. Павел Андреевич посмотрел на неё и чуть заметно кивнул:

— Ты всё правильно делаешь. Просто... здесь всем сейчас непросто.

Варя хотела сказать что-то в ответ, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула и ушла в свою комнату.

Там, в тишине, она наконец позволила себе выдохнуть. На полке у кровати стояла старая фотография: мама, молодая и улыбающаяся, держит маленькую Варю на руках. Варя провела пальцем по стеклу.

— Прости, — прошептала она, будто мама могла её услышать. — Я стараюсь не быть обузой.

За окном дождь постепенно стихал. Капли уже не стучали, а тихо шептали о чём-то своём. Варя села на кровать, подтянув колени к груди. В голове крутились слова мачехи,

резкие и колючие, как осколки стекла. Но среди них всё равно звучало одно: «Ты всё правильно делаешь». И это сказал самый близкий человек, пусть он сам не знал, как всё исправить, — эти слова были как маленький островок тепла в холодном доме.

Варя закрыла глаза и пообещала себе: она не станет обузой. Она найдёт свой путь, даже если этот дом так и останется для неё чужим.

Глава 2. Последний вечер

Варя сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела на дорогу, терявшуюся за поворотом у старого моста. Часы на стене мерно тикали, будто отсчитывали секунды, которые никак не хотели становиться минутами. Павел Андреевич обещал вернуться к семи — у него была встреча в соседнем городке, а потом он хотел заехать в книжный, о котором Варя как-то обмолвилась: там продавали старые издания с иллюстрациями, как в её детских книгах.

«Может, привезёт что-нибудь», — думала Варя, и от этой мысли становилось чуть теплее. Не потому, что ей так уж нужна была книга, а потому, что это значило: он помнил. Он слушал её, когда она говорила, пусть и невнятно, между делом, пока они вместе чинили калитку или перебирали картошку в погребе.

Лидия Сергеевна ходила по дому, громко передвигая стулья, будто нарочно старалась заполнить тишину звуками.

— Вечно он где-то пропадает, — проворчала она, проходя мимо Вари. — Ни помощи, ни толку. А я тут кручусь, как белка в колесе.

Варя промолчала. Она давно научилась не спорить. Спорить — значит втягиваться в разговор, который неизбежно упрётся в неё: «А ты вообще молчи, ты тут на всём готовом живёшь».

Но сегодня Варя не могла заставить себя уйти в комнату. Ей хотелось быть здесь, у окна, чтобы первой увидеть машину, когда та появится из-за поворота. Хотелось увидеть, как Павел Андреевич выйдет, поправит шарф — он всегда мёрз, даже в тёплую погоду, — и улыбнётся, будто рад, что вернулся.

Время перевалило за восемь. Потом за девять. Варя уже не смотрела на часы — боялась. Вместо этого она следила за каждой тенью на дороге, за каждым звуком, похожим на рёв мотора. Но машины всё не было.

Лидия Сергеевна наконец села на стул, тяжело опустив руки. Впервые за вечер в доме повисла тишина, не злая, а усталая.

— Наверное, задержался, — сказала она, скорее себе, чем Варе. — Там на трассе опять ремонт, пробки...

Варя кивнула, не доверяя своему голосу.

А потом в дверь позвонили.

Звук был такой резкий, что Варя вздрогнула и чуть не упала с подоконника. Лидия Сергеевна встала, на секунду замерла, будто собираясь с силами, и пошла к двери. Варя шла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

На крыльце стояли двое: полицейский в форме и мужчина в тёмном пальто, похожий на врача. Варя сразу поняла — это не по поводу штрафа или забытого паспорта. Такие люди не приходят просто так.

— Лидия Сергеевна? — спросил полицейский, глядя не

на неё, а чуть в сторону, как будто боялся встретиться взглядом. — Вы супруга Павла Андреевича Воронова?

Лидия кивнула, побелевшими пальцами вцепившись в косяк.

— Произошла авария. На трассе, у поворота на Заречное. Машина Павла Андреевича столкнулась с грузовиком. Он... он не выжил.

Слова падали в тишину, как камни в воду, и от них расходились круги — холодные, тяжёлые, необратимые.

Варя не закричала. Не заплакала. Она просто стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног, но почему-то не падая. Где-то рядом всхлипнула Лидия Сергеевна, потом села прямо на пол, не замечая, что пачкает платье. Мужчины заговорили снова — про обстоятельства, про свидетелей, про то, что нужно будет опознание, оформление... Варя не слушала. Слова превращались в шум, в гул, который заполнял голову, не оставляя места ни для мыслей, ни для чувств.

Только одна фраза крутилась в сознании: «Он не вернётся. Он больше не привезёт книгу. Не скажет: „Ты всё правильно делаешь“».

Когда мужчины ушли, оставив на столе какие-то бумаги, Лидия Сергеевна так и осталась сидеть на полу, обхватив колени руками. Варя хотела подойти, хотела сказать хоть что-то — «мне жаль», «мы справимся», «это неправда» — но слова не шли. Вместо этого она медленно подошла к окну и снова встала у стекла. Дорога была пуста. Дождь кончился, и

в лужах отражались редкие звёзды, равнодушные и далёкие.

Спустя какое-то время Лидия Сергеевна поднялась, прошла мимо Вари, не глядя на неё, и скрылась в спальне. Дверь закрылась с тихим щелчком — и этот звук прозвучал как окончательный приговор.

Варя осталась одна посреди опустевшего дома. Она подошла к вешалке, где висел старый шарф Павла Андреевича — тот самый, который он вечно забывал снимать. Варя взяла его, прижала к лицу. Шерсть пахла улицей, табаком, чуть-чуть — машинным маслом и чем-то ещё, неуловимым, что было просто «им».

Слезы наконец пришли — тихие, горячие, выжигающие изнутри. Варя села на пол там же, где только что сидела Лидия, и заплакала — не только по Павлу Андреевичу, но и по тому хрупкому ощущению, что она кому-то здесь нужна, что этот дом может стать её домом.

В ту ночь Варя поняла одну вещь: она больше не просто падчерица, которую терпят из милости. Она — часть этой беды, часть этого дома, хочет того кто-то или нет. И теперь ей придётся учиться жить с этим — с пустотой, с чужой болью и с тем, что никто не скажет ей больше: «Ты всё правильно делаешь».

Но где-то в глубине души, сквозь слёзы и отчаяние, шевельнулась упрямая мысль: она всё равно будет стараться. Не ради похвалы, не ради одобрения, а просто потому, что иначе не умеет.

Глава 3. Озеро и незнакомец

После похорон дом стал совсем чужим. В нём пахло воском от свечей и горьким чаем, который никто не пил. Лидия Сергеевна почти не выходила из своей комнаты, а если и появлялась, то двигалась по коридорам бесшумно, будто сама стала тенью. Варя старалась быть незаметной: тихо гремела посудой, тихо сметала пыль, тихо ходила по скрипучим половицам, чтобы лишний раз не потревожить эту тяжёлую тишину.

Но однажды утром она поняла, что больше не может дышать этим воздухом. Слова застряли в горле, а слёзы, которые она сдерживала все эти дни, вдруг стали невыносимыми. Не сказав никому ни слова, Варя накинула куртку, сунула ноги в резиновые сапоги и выскользнула за калитку.

Она бежала, не разбирая дороги, пока не оказалась в лесу. Тропа, знакомая с детства, петляла между старыми соснами, уводя всё дальше от деревни. Здесь, среди запахов хвои и сырой земли, Варя наконец остановилась, чтобы перевести дух. Грудь сжимало так, будто кто-то крепко держал её за рёбра. Она опустилась на мох, уткнулась лицом в колени и заплакала — на этот раз не сдерживаясь, до дрожи, до хрипа.

Когда слёзы иссякли, Варя подняла голову. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, рассыпая золотые блики по тропинке. Она пошла дальше, сама не зная куда, пока не вы-

шла к озеру.

Это было её тайное место. Маленькое, окружённое ивами, оно почти не видно с тропы. Летом здесь цвели кувшинки, а по утрам над водой стелился лёгкий туман. Варя часто приходила сюда, когда хотелось спрятаться от всего мира. Сегодня озеро выглядело особенно тихим, словно само горело сочувствием.

Варя села на плоский камень у самой кромки воды, свесив ноги. Холодная вода лизнула носки сапог, и от этого простого ощущения реальность вдруг стала чуть менее зыбкой.

— Красиво здесь, — раздался вдруг голос.

Варя вздрогнула и резко обернулась. На другом берегу, у поваленного дерева, стоял парень. Он был ей незнаком: высокий, в простой куртке, с рюкзаком за плечами. В его позе не было угрозы — скорее любопытство и лёгкая неловкость, будто он сам не знал, стоит ли подходить.

— Прости, если напугал, — добавил он, делая шаг вперёд, но тут же останавливаясь, словно давая ей время привыкнуть к его присутствию. — Я тут гуляю, наткнулся на озеро... Никогда раньше его не видел.

Варя молчала, сжимая пальцы. Ей хотелось снова убежать, спрятаться, но что-то в его голосе — спокойное, не требовательное — удержало её на месте.

— Это моё место, — наконец сказала она тихо, почти шёпотом. — Ну, я так его называю.

Парень улыбнулся — не широко, а так, будто боялся спуг-

нуть её этой улыбкой.

— Тогда, наверное, мне стоит спросить разрешения, чтобы остаться. Или я могу уйти, если ты хочешь побыть одна.

Варя покачала головой. Ей вдруг не захотелось, чтобы он уходил. В его присутствии тишина становилась другой — не давящей, а просто тихой.

— Можешь остаться, — сказала она, опуская глаза. — Если ненадолго.

Он подошёл ближе, но не слишком, сел на траву в нескольких шагах от неё.

— Меня зовут Артём, — представился он. — Я тут временно. Приехал к деду в соседнюю деревню, помогаю ему по хозяйству.

— Варя, — ответила она, и собственное имя прозвучало непривычно громко.

Они заговорили ни о чём: о том, как странно устроены лесные тропинки, о том, что озеро будто спрятано от чужих глаз, о том, как пахнет после дождя. С каждым словом Варя чувствовала, как внутри понемногу тает лёд. Артём не спрашивал лишнего, не пытался залезть в душу, и от этого становилось легче.

Потом он достал из рюкзака, который выглядел не дешево, бутылку воды и предложил Варе. Она покачала головой. Пусть этот незнакомец ей приятен, но принимать от него что-то в первые часы знакомство не стоит.

— Знаешь, — сказал Артём, глядя на воду, — иногда нуж-

но просто прийти туда, где никто не ждёт от тебя ничего особенного. Просто посидеть и подышать.

Варя посмотрела на него. В его глазах не было жалости — только понимание. И в этот момент она вдруг почувствовала, что не одна. Не в том смысле, что кто-то взял её за руку, а в том, что рядом есть человек, который не требует от неё быть сильной, тихой или удобной.

Остаток дня они провели у озера. Артём рассказывал смешные истории про деда, который вечно терял очки, но находил их в самых неожиданных местах. Варя слушала и даже улыбнулась пару раз — впервые за долгое время.

Когда солнце начало садиться, окрашивая воду в розовый цвет, Артём поднялся.

— Мне пора, — сказал он, застёгивая рюкзак. — Но, если ты не против, я могу прийти завтра. Если, конечно, это не нарушит твоих правил насчёт «моего места».

Варя улыбнулась — на этот раз искренне.

— Можно, — кивнула она. — Только приходи пораньше. Тут на рассвете особенно красиво.

Артём ушёл, оставив после себя только лёгкое эхо шагов и ощущение, что мир не такой уж тёмный, каким казался ещё утром.

Оставшись одна, Варя долго смотрела на дорожку, по которой он ушёл. В груди всё ещё было тяжело, но теперь к этой тяжести примешивалось что-то новое — лёгкое, трепетное, похожее на надежду. Она вдруг поняла, что влюбилась —

тихо, по-своему, не крича об этом, а просто чувствуя, как от одной мысли о завтрашнем дне становится чуть светлее.

Вернувшись домой, Варя не стала никому рассказывать про Артёма. Это было её маленькой тайной, её островком тепла в холодном доме. И пока Лидия Сергеевна пряталась от мира за закрытой дверью, Варя научилась прятать свою надежду — не как что-то стыдное, а как хрупкий росток, который нужно беречь, чтобы он смог пробиться сквозь землю.

Глава 4. Тайные рассветы

Дни потянулись тонкой, почти невидимой нитью. Каждое утро Варя старалась выскользнуть из дома пораньше, пока Лидия Сергеевна ещё не встала. В кухне она оставляла на столе записку: «Ушла за ягодами», «Пойду погуляю», «Помогу тёте Маше с огородом» — любая ложь, лишь бы не пришлось смотреть в глаза мачехе и отвечать на её колючие вопросы.

У озера её уже ждал Артём. Иногда он приходил раньше и раскладывал на плоском камне два бутерброда самые простые – сыр и колбаса, яблоко, бутылку воды. Иногда опаздывал на пять минут, и тогда Варя, сидя на берегу, прислушивалась к каждому шороху, к каждому крику птицы, пытаясь угадать, когда он появится из-за поворота тропы.

— Прости, дед опять что-то придумал, — говорил он, подходя, и улыбался так легко, будто и не было в его жизни ничего важнее этих пяти минут опоздания. — То гвозди не там лежат, то курица куда-то пропала...

Варя смеялась, и смех этот звучал непривычно звонко, будто прорвался сквозь толщу тишины, которая столько дней давила на неё.

Они не говорили о главном. Не вспоминали ни Павла Андреевича, ни холод в доме, ни ту тяжесть, с которой Варя возвращалась каждый вечер. Вместо этого Артём рассказы-

вал про деда — про то, как тот ворчит, но первым бежит помогать соседям, про старые карты, которые дед хранит в сундуке, про то, как в детстве он сам убегал в лес, когда взрослые начинали спорить о деньгах и долгах. Варя слушала и понемногу начинала рассказывать о себе: про то, как любила бегать по лужам, про старую кошку Муську, которая спала у неё в ногах, про мамины пироги с вишней, запах которых до сих пор мерещился ей в тёплом воздухе.

Но была одна вещь, которую Артём не рассказывал. И дело было не в недоверии — скорее в страхе спугнуть эту хрупкую, едва заметную связь.

На самом деле Артём Соколов был не просто парнем, приехавшим помочь деду. Он был совладельцем небольшой, но быстро растущей IT-компании, которая разрабатывала программы для автоматизации сельского хозяйства. Его дед, Иван Петрович, всю жизнь проработал агрономом в этих краях, знал каждый овраг, каждую низину, где весной стоит вода, и именно его рассказы когда-то натолкнули Артёма на идею проекта. Сейчас Артём приехал не просто «побыть с дедом», а чтобы лично осмотреть несколько участков, поговорить со старожилами, понять, насколько его технологии могут быть полезны здесь, в глуши, где до сих пор считали урожай по старинке.

В его рюкзаке, кроме бутербродов и термоса с чаем, лежали планшет, блокнот с расчётами и распечатки графиков. Но у озера он прятал всё это подальше, под мох или за пова-

ленное дерево. Здесь он хотел быть просто Артёмом, который пришёл посидеть на берегу и послушать, как Варя рассказывает про то, что ивы у воды стали ниже, потому что их гнёт ветер.

Однажды утром дождь начался неожиданно — крупные тяжёлые капли забарабанили по листьям, и через минуту Варя и Артём уже промокли до нитки.

— Бежим! — крикнул Артём, хватая её за руку. — Тут недалеко есть старый сеновал, дед говорил, там крыша целая!

Они бежали, смеясь и спотыкаясь на скользких корнях, пока не влетели под тёмный навес. Внутри пахло сухим сеном и пылью, а капли, пробивавшиеся сквозь щели, звенели по старым доскам. Варя стояла, дрожа от холода и смеха, а Артём стянул с себя куртку и накинул ей на плечи.

— Прости, она тоже мокрая, но хоть немного теплее, — сказал он, улыбаясь.

Варя кивнула, кутаясь в грубую ткань, которая пахла лесом и им самим. В полумраке сеновала его лицо казалось другим — мягче, ближе. Варя вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло, и поспешно опустила глаза, чтобы он не заметил, как покраснели её щёки.

— Знаешь, — тихо сказала она, глядя на капли, падающие сквозь щели, — иногда мне кажется, что весь мир разделился на две части. Одна — там, где я должна быть удобной, тихой, незаметной. А другая — здесь, где можно просто про-

мокнуть под дождём и не бояться, что тебя за это отругают.

Артём сел на охапку сена и притянул колени к груди.

— Наверное, каждому нужно такое место, — ответил он.

— Где тебя принимают просто так. Без отчётов, без ожиданий.

Он не стал говорить, что сам знает, каково это — когда от тебя ждут только результатов, когда каждый твой шаг оценивают по шкале «эффективности». Не стал рассказывать, что в его офисе в городе стены прозрачные, чтобы все видели, кто сколько работает, и что иногда ему хочется просто выключить телефон и исчезнуть на неделю.

Вместо этого он протянул Варя термос.

— Тут чай. Тёплый ещё.

Она взяла, прижимая жестяной бок к ладоням, и почувствовала, как тепло медленно ползёт по пальцам.

С того дня они стали осторожнее. Артём больше не задерживался у озера допоздна, чтобы никто не заметил его в деревне. Варя перестала оставлять записки и теперь просто исчезала на пару часов, зная, что мачеха вряд ли заметит её отсутствие. Их встречи стали почти ритуалом: рассвет, озеро, разговоры ни о чём и обо всём сразу.

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

Иван Петрович, дед Артёма, заболел. Сначала это был просто кашель, потом температура, и уже через два дня дед лежал в постели, бледный и слабый, а Артём метался между домом, аптекой и телефоном, пытаясь вызвать врача из рай-

центра.

— Я не могу сегодня прийти, — сказал он Варе на третий день, когда она всё-таки пришла к озеру, хотя уже чувствовала, что что-то не так. — Деду плохо. Врач приедет только завтра, а я... я не могу его оставить.

Варя стояла под ивой, сжимавшая в руках небольшой подарок — она хотела подарить его Артёму просто так, без повода.

— Тогда я помогу, — решительно сказала она. — Я умею ухаживать за больными. Мама болела долго... Я знаю, как заваривать травы, как менять компрессы, как просто сидеть рядом, чтобы человек не чувствовал себя одиноким.

Артём посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение и одновременно на страх.

— Ты не обязана, — начал он.

— Я хочу, — перебила Варя. — Пожалуйста.

И тогда Артём впервые привёл её не к озеру, а к маленькому домику на краю соседней деревни, где жил его дед. Иван Петрович, увидев Варю, слабо улыбнулся:

— А, вот и та самая девушка, про которую Артём всё время рассказывает... Говорит, ты знаешь, где самые сладкие ягоды растут.

Варя улыбнулась, чувствуя, как от этих простых слов становится теплее.

Пока она хлопотала по дому, заваривала травы, протира-
ла лоб Ивана Петровича прохладной водой, Артём стоял в

дверях, наблюдая за ней. И в этот момент он вдруг понял, что больше не может держать свою тайну. Не потому, что она имела значение, а потому, что Варя заслуживала знать, кто он на самом деле.

Вечером, когда дед уснул, они вышли на крыльцо. Дождь кончился, и воздух был свежим, пах мокрой землёй и грозой.

— Варя, — тихо начал Артём, глядя куда-то вдаль, на тёмный лес. — Я должен тебе кое-что сказать. Я не совсем тот, за кого ты меня принимаешь.

Она подняла на него глаза, в которых не было ни подозрения, ни страха — только ожидание.

— Я не просто парень, который приехал к деду. У меня есть компания... Мы делаем программы для фермеров, для хозяйств. Я приехал сюда не только ради деда, но и по работе. Хотел посмотреть, как тут всё устроено.

Варя помолчала, словно взвешивая его слова. Потом тихо спросила:

— И что? Ты из-за этого переживал? Боялся, что я подумаю, будто ты притворялся?

— Да, — честно признался Артём. — Боялся, что ты согласишься на меня иначе. Что этот... наш мир у озера исчезнет.

Варя подошла ближе и положила ладонь ему на рукав.

— Твой мир у озера — это не про то, кто ты по работе, — сказала она мягко. — Это про то, каким ты становишься рядом со мной. И если ты бизнесмен — пусть. Главное,

что ты всё равно приходишь туда, где можно просто сидеть и смотреть на воду.

Артём выдохнул, будто сбросил тяжёлый груз. И впервые за долгое время почувствовал, что может быть собой — и его всё равно примут.

В ту ночь Варя вернулась домой позже обычного. Лидия Сергеевна уже спала, и дом был тихим, но не таким холодным, как раньше. Варя села на подоконник, посмотрела на звёзды и подумала, что, возможно, впереди ещё много трудностей, но теперь у неё есть не только тайное место у озера, но и человек, рядом с которым даже самые тяжёлые дни становятся чуть светлее.

Глава 5. Расставание и чужие планы

Утро выдалось серым и зябким. Туман стелился над озером, словно пытался спрятать его от чужих глаз, и Варя шла по тропинке, кутаясь в старую шаль. Она знала — сегодня всё будет иначе. Накануне Артём сказал, что ему нужно уехать. Не на день и не на два, а всерьёз, по работе. И хотя он обещал вернуться, в его голосе слышалась тяжесть, будто он сам не верил этим обещаниям.

Артём ждал её у поваленного дерева, где они обычно садились, чтобы смотреть на рассвет. Но сегодня он не улыбался. В руках он теребил ремешок рюкзака, и Варе вдруг стало страшно — будто этот жест означал, что сейчас он скажет что-то, после чего мир уже не будет прежним.

— Мне нужно ехать, — прямо начал он, не дожидаясь её

вопросов. — Сегодня. В столицу. Дед уже лучше, врач сказал, что можно оставлять, но там, в офисе, всё навалилось разом. Есть проект, который без меня не сдвинется.

Варя кивнула, стараясь не выдать, как сильно дрожат пальцы.

— Я понимаю, — прошептала она, хотя внутри всё кричало: «Не уезжай». — Ты же не можешь всё бросить.

— Я не бросаю, — твёрдо сказал Артём, глядя ей прямо в глаза. — Я вернусь. Обещаю. Просто дай мне неделю, максимум две. Я всё улажу и приеду как только смогу.

Она слабо улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой.

— Я верю, — тихо сказала Варя.

Он шагнул к ней, обнял крепко, так, что на мгновение весь остальной мир перестал существовать. Варя уткнулась носом в его куртку, запоминая запах — леса, дождя и чего-то только его, неповторимого.

— Держи, — Артём протянул ей маленький кулон на тонкой цепочке: серебряный листик, будто сорванный с дерева и застывший в металле. — Пусть он напоминает о нашем знакомстве, о том, что я думаю о тебе. Каждый день. Каждую минуту.

Варя сжала кулон в ладони, чувствуя, как холодный металл согревается от тепла её руки.

— Я буду ждать, — сказала она, поднимая голову.

Артём улыбнулся, но в улыбке этой была грусть.

Он ушёл по тропинке, и Варя долго стояла, слушая, как затихают его шаги. Когда последний звук растворился в шуме ветра, она поняла, что осталась одна — по-настоящему одна, без его спокойного голоса, без его умения делать тяжёлые вещи чуть легче.

А дома её ждала другая реальность.

Лидия Сергеевна сидела за кухонным столом, перед ней лежала стопка бумаг, а рядом стоял соседский парень, Гриша, — крепкий, краснощёкий, с тяжёлым взглядом и неловкой улыбкой. Он мял в руках кепку, переминаясь с ноги на ногу, будто сам не понимал, зачем здесь оказался.

— Вот, — резко сказала Лидия Сергеевна, не глядя на Варю. — Гриша пришёл. У него хозяйство крепкое, дом хороший, земля. Он согласен взять тебя в жёны. — проговорила, как стукнула в лоб.

Варя замерла на пороге, пальцы судорожно сжимали цепочку с кулоном, спрятанную под кофтой.

— Что?.. — выдохнула она. — В жёны?

— А что тут непонятного? — голос мачехи звенел от напряжения. — Дом я продаю. Цены сейчас хорошие, да и тянуть его дальше нет сил. Хочу уехать в город, к сестре. А ты... тебе тоже надо устраиваться. Гриша — парень надёжный. Не какой-нибудь бродяга.

Гриша поднял глаза, встретился взглядом с Варей и тут же опустил их.

— Я... я не тороплю, — пробормотал он. — Если поду-

мать надо...

— Думать тут нечего, — отрезала Лидия Сергеевна. — Дом продаётся через неделю. У нас с тобой, Варя, другого выхода нет. Либо ты едешь со мной в город, но там я тебя кормить не собираюсь — сама крутись, либо остаёшься здесь, с Гришей. Выбирай.

Варя почувствовала, как земля уходит из-под ног. Всё, что она так старательно пыталась сохранить — дом, пусть и холодный, озеро, пусть и тайное, надежду на возвращение Артёма, — всё это рушилось под тяжестью чужих решений.

— Я не хочу, — тихо, но твёрдо сказала она. — Я не выйду замуж. Ни за кого.

— Не хочешь? — Лидия Сергеевна встала, хлопнув ладонью по столу. — А кто тебя спрашивает? Ты тут никто. Ни денег, ни прав. Дом мой, и я решаю, что с ним делать. А ты — лишь обуза, которую надо пристроить, чтобы совесть была чиста.

Гриша снова замялся, будто хотел что-то сказать, но так и не решился.

— Простите, — пробормотал он и, кивнув Варе, поспешно вышел за дверь.

Когда за ним закрылось, в кухне повисла тяжёлая тишина. Лидия Сергеевна смотрела на Варю с усталой злостью, будто сама ненавидела себя за эти слова, но не могла остановиться.

— Не строй из себя гордячку, — процедила она. — Жизнь не сказка. Тут не бывает принцев на белых конях. Бывают

мужики, которые пахут землю и держат слово. И если ты думаешь, что какой-то городской парень вернётся за тобой — ты ошибаешься. Они все одинаковые: помянут, поиграют и забудут.

Варя молчала. Она не хотела спорить, не хотела кричать. Внутри неё что-то твёрдое, упрямое, закалённое всеми этими днями холода и одиночества, поднялось наверх и сказала: «Я не сдамся».

— Я никуда не поеду, — спокойно произнесла она. — И замуж не выйду. Если хочешь продавать дом — продавай. Но я останусь. У меня есть место, где я могу быть собой. И человек, который обещал вернуться.

Лидия Сергеевна фыркнула, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Ну-ну, — буркнула она. — Посмотрим, что ты запоёшь, когда тут одни стены останутся.

Вечером Варя снова пошла к озеру. Сумерки опускались на лес, и вода стала тёмно-синей, почти чёрной, отражая первые звёзды. Она села на свой камень, сжала в кулаке серебряный листик и прошептала в тишину:

— Ты обещал. Значит, вернёшься. А я... я продержусь.

Ветер шевельнул ивовые ветви, и Варе показалось, что озеро тихо ответило: «Ты не одна».

И в этот момент она поняла: её сила не в том, чтобы кричать и спорить. Её сила — в том, чтобы стоять на своём, даже когда весь мир пытается заставить её свернуть. Даже ко-

гда дом, который она считала своим, вот-вот исчезнет. Даже когда кто-то решает за неё её судьбу.

Она будет ждать. И будет бороться за своё право просто быть — не удобной, не тихой, не чьей-то обузой, а самой собой.

Глава 6. Дни без писем

Дни потянулись длинной, серой чередой. Каждое утро Варя выходила из дома раньше, чем просыпалась Лидия Сергеевна, и возвращалась, когда мачеха уже запиралась в своей комнате, устав от суеты сборов. Дом пустел: сначала исчезли старые ковры, потом комод из прихожей, за ним — бабушкины часы, которые тикали в коридоре столько лет, что Варя привыкла считать их голос частью тишины дома.

А Гриша приходил. Каждый день. Не с дорогими букетами, а с полевыми цветами — скромными ромашками, колокольчиками, иногда даже с веточкой полыни, будто хотел показать, что знает эти места, эту землю, эти травы. Он не заходил в дом — останавливался у калитки, протягивал цветы и неловко переминался с ноги на ногу.

— Это тебе, — бормотал он, не поднимая глаз. — Говорят, ромашки к счастью.

Варя брала цветы, кивала и уходила, не говоря ни «спасибо», ни «не надо». Ей было жаль Гришу — он не был злым, просто оказался втянут в чужие планы, как и она сама. Но каждый его приход отзывался в груди тупой болью: это был ещё один кирпич в стене, которая отделяла её от прежней жизни.

Однажды он всё-таки решился заговорить:

— Ты не думай, что я... что это по своей воле. Тётя Лида

пришла, сказала: «Парень ты крепкий, хозяйство есть, пристрой девчонку». Я и не знал, что сказать. А потом подумал: может, хоть цветы помогут. Хоть чуть-чуть.

Варя остановилась, сжимая в пальцах хрупкие стебли. Впервые она посмотрела на него не как на препятствие, а как на человека, которому тоже неловко и тяжело.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Но я не выйду замуж. Ни сейчас, ни потом. Прости.

Гриша кивнул, будто ждал этого ответа.

— Ладно, — вздохнул он. — Но цветы я всё равно буду приносить. Просто так. Чтобы ты знала, что не все тут хотят от тебя чего-то добиться.

И ушёл, оставив её одну с букетом, который пах полем и дождём.

Тем временем Лидия Сергеевна двигалась к своей цели неумолимо. Дом был выставлен на продажу, мебель уезжала в город на грузовике, а в комнатах оставались только голые стены и тени прошлого. Варя старалась не смотреть на эти пустые углы, но они напоминали ей о том, как быстро всё может исчезнуть.

Самым мучительным было то, что нигде не находилось завещание Павла Андреевича. Варя помнила, как он однажды говорил, что всё оформил по закону, чтобы Варя не осталась без крыши над головой. Но бумаги словно растворились в этом хаосе. Нотариус в райцентре разводил руками: без документа дом по закону переходил супруге, а Варя оставалась

просто жильцом — и то до тех пор, пока Лидия Сергеевна этого хотела.

Варя перерыла все ящики, все полки, даже старый сундук на чердаке, где пахло пылью и сухими яблоками. Она искала хоть какую-то зацепку, хоть строчку, которая могла бы стать её щитом. Но находила только старые письма, пожелтевшие фотографии и обрывки воспоминаний.

В один из вечеров, когда дом уже почти опустел, Варя сидела на полу в своей бывшей комнате — теперь это была просто пустая комната с ободранными обоями — и перебирала оставшиеся вещи. В кармане старого пальто Павла Андреевича она нащупала маленький конверт. Пальцы дрожали, когда она его вскрывала.

Внутри лежала короткая записка, написанная его крупным, размашистым почерком:

«Варя, если когда-нибудь станет тяжело, помни: ты не чужая в этом доме. Всё оформлено на тебя, но документы у нотариуса в Сосновке. Спроси Ивана Семёновича — он знает. И не позволяй никому заставить тебя сомневаться в том, что ты имеешь право быть счастливой».

Слезы навернулись на глаза, горячие и горькие. Значит, он думал о ней. Значит, пытался защитить, как умел.

Но радость тут же сменилась тревогой: до Сосновки было полдня пути, а Лидия Сергеевна собиралась уезжать через три дня. Если Варя не успеет, дом уйдёт с молотка, а вместе с ним — и её последнее убежище.

От Артёма по-прежнему не было ни слова. Телефон молчал, письма не приходили, и Варя начала бояться, что Лидия Сергеевна права: городские люди живут в другом ритме, где обещания звучат легко, а забываются ещё легче. Но каждый вечер она доставала из-под рубашки серебряный листик и шептала: «Ты обещал. Ты вернёшься».

В ту ночь Варя приняла решение. Она не будет сидеть и ждать, пока дом исчезнет, а её судьбу решат без неё. Завтра она пойдёт в Сосновку. Найдёт нотариуса. Докажет, что этот дом — её дом.

Утром, пока Лидия Сергеевна укладывала последние коробки, Варя тихо вышла из дома, сунув в карман записку Павла Андреевича и кулон Артёма. На пороге она остановилась, оглянулась на пустые комнаты, на голые стены, на калитку, у которой каждый день стоял Гриша с цветами.

«Я вернусь, — пообещала она тихо, будто дом мог её услышать. — И всё будет по-другому».

Путь до Сосновки был долгим и трудным. Тропа петляла между лесом и полем, солнце палило, а рюкзак, собранный наспех, казался тяжелее с каждым шагом. Но Варя шла, не оглядываясь, потому что впервые за долгое время чувствовала: она делает что-то важное. Не для кого-то, не чтобы быть удобной, а для себя.

Когда деревня осталась позади, а впереди показалась дорога, ведущая к шоссе, Варя вдруг услышала за спиной торопливые шаги. Она обернулась — и увидела Артёма. Он бе-

жал к ней, в мятой рубашке, с дорожной сумкой через плечо, и лицо его было таким, будто он только что преодолел не километры, а целую пропасть.

— Варя! — крикнул он, задыхаясь. — Я приехал! Прости, что так долго... Там всё рушилось, проекты, дед, я никак не мог вырваться...

Варя замерла, не веря своим глазам. Сердце забилося так сильно, что, казалось, заглушало все остальные звуки.

— Ты здесь, — прошептала она, и голос дрогнул. — Ты правда здесь.

Артём остановился перед ней, положил руки ей на плечи, будто проверяя, что она настоящая.

— Я здесь, — повторил он. — И я никуда больше не исчезну. Что-то случилось? Ты куда-то идёшь?

Варя хотела рассказать всё сразу — про дом, про завешание, про цветы Гриши, про пустые комнаты и страх остаться ни с чем. Но вместо этого она просто прижалась к нему, уткнулась в плечо и заплакала — на этот раз не от горя, а от облегчения.

— Всё будет хорошо, — тихо сказал Артём, обнимая её. — Теперь мы всё сделаем вместе.

И Варя поверила. Впервые за долгое время она поверила, что впереди не только тяжёлые дни, но и свет, который сможет разогнать любую тьму.

Глава 7. Тонкая грань

Дом понемногу оживал. Вещи возвращались на свои места: комод снова стоял в прихожей, часы мерно отсчитывали время, ковры приглушали шаги. Но теперь в этом возвращении не было уюта — только натянутая тишина, будто дом сам чувствовал, что мир между его стенами так и не наступил.

Лидия Сергеевна ходила по комнатам, касаясь спинки стула или полки, словно проверяла, на месте ли всё, и каждый её жест был наполнен глухой злобой. Она не смотрела на Варю. Если их пути пересекались в коридоре, мачеха резко отворачивалась, будто сама близость девушки была ей противна.

А Варя старалась быть незаметной. Она убирала, стирала, готовила — делала всё, чтобы не дать повода для ссоры. Но каждый раз, когда Лидия Сергеевна бросала на неё тяжёлый взгляд, Варя чувствовала, как внутри всё сжимается.

Артём старался не замечать этой напряжённости. Он был полон планов: хотел помочь Варе оформить документы окончательно, предлагал нанять юриста, чтобы защитить её права, даже думал, как можно использовать участок — может, разбить сад, может, поставить теплицу, чтобы у Вари была своя маленькая гордость, своё дело.

— Ты теперь хозяйка, — повторял он, улыбаясь и обнимая её за плечи. — Это твой дом. И никто не сможет его у

тебя забрать.

Варя кивала, прижималась к нему, вдыхая знакомый запах, и на несколько мгновений ей становилось легче. Но потом она вспоминала про Гришу, про те дни, когда он приносил цветы, про слова мачехи: «Выбирай: либо со мной в город, либо за него». И язык будто прилипал к нёбу — она не могла рассказать Артёму правду. Ей казалось, что если она произнесёт эти слова вслух, то разрушит хрупкое равновесие, которое они с таким трудом выстроили.

Однажды вечером, когда Артём ушёл к деду, чтобы помочь с дровами, Лидия Сергеевна наконец заговорила. Она стояла у окна, глядя на темнеющий сад, и голос её звучал не громко, а оттого ещё страшнее:

— Думаешь, победила? Дом твой, да. Но жить-то нам вместе. И я тебе спокойной жизни не дам. Так и знай.

Варя замерла у двери, пальцы вцепились в косяк.

— Я не хочу с вами ссориться, — тихо сказала она. — Я просто хочу жить. Как раньше.

— Как раньше не будет, — резко оборвала Лидия Сергеевна, поворачиваясь к ней. — Раньше ты была ребёнком, которого можно было держать в узде. А теперь ты взрослая, да ещё и с покровителем. Думаешь, этот твой городской парень вечно будет рядом? У него своя жизнь, свои дела. А ты останешься здесь — со мной. И мы посмотрим, кто кого.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и липкие, как смола. Варя хотела возразить, хотела сказать, что Артём не такой,

что он не бросит, но язык не слушался. Вместо этого она просто развернулась и вышла, сбежала на улицу, туда, где хотя бы ветер не шептал угроз.

У озера было тихо. Солнце садилось, окрашивая воду в тёмно-золотые полосы, и Варя села на свой камень, сжимая в пальцах серебряный листик. Ей хотелось просто закрыть глаза и забыть обо всём, хотя бы на несколько минут.

— Я знал, что найду тебя здесь, — раздался голос Артёма. Он подошёл тихо, сел рядом, не спрашивая разрешения, и положил руку на её плечо. — Ты сегодня какая-то другая. Будто держишь на себе весь дом.

Варя покачала головой, стараясь улыбнуться.

— Просто устала. Дом оживает, а я никак не могу привыкнуть.

Артём посмотрел на неё внимательно, слишком внимательно, будто видел не то, что она показывала, а то, что пряталось внутри.

— Варя, — мягко сказал он. — Если что-то не так, скажи. Я не смогу помочь, если ты будешь держать всё в себе.

Она закусила губу. Слова рвались наружу, тяжёлые, колючие, но она боялась их произнести. Боялась увидеть в его глазах разочарование или, хуже того, жалость.

— Всё хорошо, — прошептала она. — Правда. Просто... мачеха злится. Она хотела уехать, а теперь вынуждена остаться. Это тяжело для неё.

Артём нахмурился, но не стал давить.

— Понимаю, — кивнул он. — Когда планы рушатся, это всегда больно. Но ты не должна нести эту боль одна.

Он обнял её, притянул к себе, и Варя уткнулась ему в плечо, вдыхая запах леса и дождя, который всегда был с ним. В этот момент ей казалось, что, пока он рядом, она выдержит всё. Даже ледяные взгляды мачехи. Даже тишину, которая становилась всё тяжелее. Даже ту правду, которую она так боялась произнести.

На следующий день Лидия Сергеевна сделала ход, который Варя никак не ожидала. Она отправилась к нотариусу и подала заявление на оспаривание завещания. Её аргумент был прост: Павел Андреевич был «не в себе» в последние месяцы, слишком переживал из-за долгов и проблем в хозяйстве, а значит, не мог адекватно распоряжаться имуществом.

Когда Варя узнала об этом, земля будто ушла из-под ног. Она сидела на кухне, держа в руках копию заявления, и не могла поверить, что человек, с которым она делила крышу столько лет, готов пойти на такое.

Артём, узнав о случившемся, не растерялся.

— У нас есть свидетели, — твёрдо сказал он. — Дед, соседи, люди, которые знали Павла Андреевича. Мы докажем, что он был в здравом уме. И мы не позволим ей забрать у тебя дом.

Но Варя смотрела на него и понимала: он всё ещё не знает главного. Он думает, что это просто борьба за имущество, а

на самом деле это была борьба за право быть в этом доме, за право называться не «обузой», а хозяйкой. И за право самой решать, с кем ей быть.

В ту ночь Варя долго не могла уснуть. Она лежала, глядя в темноту, и думала о Грише. О том, как он каждый день приносил цветы. О том, что он никогда не желал ей зла, просто оказался пешкой в чужой игре. И о том, что, возможно, пора перестать прятать правду даже от самого дорогого человека.

Утром, когда Артём пришёл, она встретила его на крыльце. Солнце только поднималось, и воздух был свежим, будто сам мир давал ей шанс начать всё заново.

— Артём, — сказала Варя, глядя ему прямо в глаза. — Есть кое-что, о чём я тебе не рассказывала.

Он замер, будто почувствовал, что сейчас услышит что-то важное.

— Мачеха... она хотела выдать меня замуж. За Гришу, соседа. Говорила, что у него крепкое хозяйство, что мне нужно устраиваться, пока есть возможность. Она давила на меня, ставила перед выбором: либо я уезжаю с ней и сама кручусь в городе, либо остаюсь здесь и выхожу за него.

Артём слушал, не перебивая. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло что-то острое, как лезвие.

— И ты ничего не сказала, — тихо произнёс он.

— Я боялась, — призналась Варя. — Боялась, что ты согласишься на меня иначе. Что подумаешь, будто я цепляюсь за тебя, потому что мне некуда больше идти. А это не так.

Я... я просто люблю тебя. И мне хотелось, чтобы это чувство было чистым, без чужих планов и расчётов.

Артём шагнул к ней, взял её руки в свои, тёплые и сильные.

— Спасибо, что сказала, — прошептал он. — И прости, что не видел, как тебе тяжело. Теперь я всё понимаю. И обещаю: мы пройдем через это. Вместе.

Варя кивнула, чувствуя, как тяжесть, которую она носила в себе столько дней, понемногу начинает таять. Она знала: впереди ещё будут тяжёлые разговоры, суды, ледяные взгляды мачехи. Но теперь она не была одна. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 8. Пропавшая тишина

После того разговора на крыльце между Варей и Артёмом будто прорвалась плотина: они больше не прятали друг от друга ни страха, ни сомнений, ни усталости. Варя рассказала про каждый день, когда Лидия Сергеевна словно нарочно искала повод её уколоть. Артём — про то, как тяжело ему разрываться между городом и деревней, между обязательствами перед компанией и желанием быть здесь, рядом с ней.

Они стали проводить вместе каждую свободную минуту. Гуляли по лесу, сидели у озера, и даже просто молчали, прижавшись плечами друг к другу, было уже не тягостно, а спокойно. В эти мгновения Варя чувствовала, как понемногу оттаивает что-то внутри — будто лёд, сковывавший её столько месяцев, наконец начал трескаться.

Однажды вечером, когда солнце садилось, окрашивая небо в мягкие персиковые тона, они остановились у старой берёзы на краю поля. Артём взял её за руку, переплёл пальцы с её пальцами и тихо сказал:

— Знаешь, я раньше думал, что дом — это стены. А теперь понимаю: дом — это там, где тебя ждут. Где не надо быть кем-то другим, чтобы тебя приняли. Для меня этот дом — ты.

Варя подняла на него глаза, и в них блеснули слёзы, но не от горя, а от того, как много значили эти слова. И тогда он

наклонился и поцеловал её — не порывисто, не отчаянно, а так, будто хотел сказать этим поцелуем всё, что не умещался в словах: «Я здесь. Я с тобой. Ты не одна».

Этот поцелуй стал для Вари точкой опоры. Он дал ей силы смотреть в глаза Лидии Сергеевне, не опуская взгляда. Дал силы готовиться к суду, разбирать старые бумаги, вспоминать каждое слово Павла Андреевича, каждую мелочь, которая могла бы доказать, что завещание — не каприз, а осознанное решение.

Но потом Артём исчез.

Три дня он не появлялся у озера. Не звонил. Не писал. Телефон молчал, а Варя, стоя у окна, ловила себя на том, что вздрагивает от каждого шороха, от каждого звука мотора вдали, надеясь, что это он.

Сначала она уговаривала себя: «У него дела. В компании что-то случилось. Он обязательно напишет». Потом эта уверенность начала рассыпаться, как песок сквозь пальцы. В голове зазвучали слова Лидии Сергеевны: «Они все одинаковые: помянут, поиграют и забудут». Варя гнала эти мысли, но они возвращались снова и снова, царапая изнутри.

А Лидия Сергеевна, словно чувствуя эту уязвимость, стала действовать тоньше. Она больше не кричала, не хлопала дверями. Теперь в её молчании была холодная, расчётливая сила.

Судебное заседание назначили на четверг. Варя знала: это будет тяжело. Лидия Сергеевна наняла городского адвоката

— сухого, строгого мужчину, который смотрел на Варю так, будто она была не девушкой, защищающей свой дом, а досадной помехой в его плотном графике.

Накануне суда Варя пришла к озеру одна. Вода была неподвижной, зеркальной, и в ней отражалось серое небо. Она села на свой камень, сжала в пальцах серебряный листик, который Артём ей подарил, и прошептала:

— Пожалуйста, будь здесь. Хоть на пять минут. Просто чтобы я знала, что ты не забыл.

Но озеро молчало.

Когда она вернулась домой, Лидия Сергеевна стояла у порога, скрестив руки на груди. В её глазах было что-то новое — не просто злость, а предвкушение.

— Завтра суд, — сказала она спокойно, почти ласково, и от этой ласковости Варе стало по-настоящему страшно. — И знаешь, что я поняла? Тебе там нечего делать. Ты слишком слабая, чтобы бороться. Пусть всё решают взрослые.

— Я пойду, — твёрдо сказала Варя. — Это мой дом. И я буду защищать его.

Лидия Сергеевна усмехнулась:

— Посмотрим.

На следующее утро Варя проснулась от странного ощущения: в доме было слишком тихо. Даже часы, которые снова стояли в коридоре, будто замерли. Она быстро оделась, накинула куртку и вышла на крыльцо.

И тут из-за угла сарая вышел Гриша. Но это был не тот

Гриша, который неловко топтался у калитки и приносил полевые цветы. Сейчас в его взгляде не было ни смущения, ни доброты. Только тяжёлая решимость, от которой у Вари похолодели пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.